

DOI 10.25991/VRHGA.2023.4.4.003

УДК 1(091)

*И. В. Хмара**

ПЕРВЫЕ ТЕКСТЫ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА В ЖУРНАЛЕ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»: ОСОБЕННОСТИ И КОНТЕКСТ**

В статье рассматриваются первые работы известного советского философа и социолога Александра Зиновьева, которые стали появляться на страницах главного отечественного философского журнала «Вопросы философии» с 1959 года. На основе текстов журнала также воссоздается интеллектуальный контекст работы Зиновьева.

Ключевые слова: Александр Зиновьев, журнал «Вопросы философии», советская философия

Khmara I. V.

*THE FIRST TEXTS BY ALEXANDER ZINOVIEV
IN VOPROSY FILOSOFII (PROBLEMS OF PHILOSOPHY) JOURNAL:
CHARACTERISTIC AND CONTEXT*

The paper concerns with the first texts by renowned Soviet and Russian philosopher and sociologist Alexander Zinoviev, that were published in the main Russian philosophical journal *Voprosy filosofii* journal (Problems of Philosophy) since 1959. Additionally, the paper is based on other journal texts and focuses on the intellectual context of Zinoviev's work.

Keywords: Alexander Zinoviev, *Voprosy filosofii* journal (Problems of Philosophy), Soviet philosophy

Особенность, с которой сталкивается любой исследователь, приступающий к изучению жизни и творчества Александра Зиновьева — это и масштаб, которая занимает его личность в истории отечественной интеллектуальной

* Игорь Владимирович Хмара, старший преподаватель кафедры философии, религиоведения и педагогики, РХГА им. Ф. М. Достоевского; hmig1@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского

культуры, а также многогранность его творчества. Собственно, об этом часто упоминается в тех книгах и статьях, которые выходят в последнее время и, что важно, приобретают особую актуальность в связи с текущими культурными и интеллектуальными процессами.

Александр Зиновьев, чей 100-летний юбилей недавно отмечался, являлся человеком, о котором говорили, который привлекал к своей позиции заслуженное внимание, уже с самого начала профессиональной деятельности, относящемуся еще к 1950-м годам. Характерно упоминание Гусейнова, который отмечает, что фразы Зиновьева распространялись в студенческой среде в качестве своеобразного «фольклора»:

Автор этих строк начал учиться на том же факультете, на котором учился Зиновьев, на десять лет позже. Но и для нас его передаваемые из уст в уста шутки оставались веселым источником антидогматического вдохновения. Так, знаменитый одиннадцатый тезис К. Маркса о Фейербахе «Философы лишь различным образом объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его» Зиновьев переименовал так: «Философы лишь различным образом объясняли мир, теперь же они и этого не делают». Ленинское определение: «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях» он дополнил лишь одним словом, и получилось: «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях Богом. [3, с. 9–10]

К его личностным чертам относились с одной стороны интеллигентность, умение прислушиваться к собеседнику, но в то же время и стремление четко обозначить, сформулировать собственную позицию и не просто ее сформулировать, но и донести ее — отстоять. Безусловно, все эти личностные характеристики сказались и на формировании того широкого круга интересов, которым отличался А. Зиновьев. Защитив диссертацию «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)», являясь в дальнейшем автором монографий, затрагивавших логическую проблематику: «Философские проблемы многозначной логики» (1960); «Логика высказываний и теория вывода» (1962); «Основы научной теории научных знаний» (1967); «Комплексная логика» (1970); «Логика науки» (1972); «Логическая физика» (1972); «Логические правила языка» (1975, совместно с Х. Весселем на немецком языке), он живо интересовался другими областями человеческого знания. Яркий пример, относящийся к 1960-м годам, т. е. времени, когда Зиновьев был еще только начинающим преподавателем приводит Петр Петрович Барашев. Будучи приглашенным преподавателем МФТИ, в введении которого было проведение семинаров по марксистско-ленинской философии, а также руководство — работа со студентами по написанию ими «философских» рефератов — он активно обращался к различной проблематике, в том числе и чисто математической и физической, чем поражал студентов. Он выделялся среди преподавателей философии тем, что беседовал о сути академических занятий студентов, интересовался содержанием их дипломных работ. [2, с. 117]

Приведем небольшое воспоминание о содержании его семинаров:

Уже на первом занятии (после звонка) на примере уравнения Шрёдингера он дал нам наглядно понять, как велика роль математической логики в естествознании и, в частности, в интересующей нас физике. Все дальнейшие занятия (весной

на пятом курсе в 1958/59 учебном году и осенью на шестом курсе в 1959/60 учебном году по 17 в каждом семестре) были уникальными — всегда это был своеобразный сплав физики, логики и, конечно, философии... [2, с. 120]

Но подтверждают высказанное наблюдение о многогранности философа и последующая его работа и труды, посвященные исследованию социальных вопросов. В связи с этими трудами выделяется и новаторская форма исследования — социологический роман. В этой форме написаны его знаменитые «Зияющие высоты», «Светлое будущее», «В преддверии рая» и т. д.. Были сформулированы оригинальные концепты, среди которых: «Логическая социология». Все это, дополняемое довольно сложным жизненным путем, включающим эмиграцию, возвращение на Родину, привлекает внимание исследователей к личности А. Зиновьева. Без преувеличения говорится о его феномене [18], еще требующего пристального изучения. [1, с. 25] В фокус исследования часто попадают его вышеперечисленные труды, принесшие ему широкую известность. Тем не менее, думается, интересным и значимым с точки зрения понимания становления мыслителя, формирования его теоретического аппарата — может быть обращение к его более ранним, самым первым работам. Говоря о ранних работах, несколько произвольно, но не без логики, следует обратить внимание на, растянувшийся почти в 10-лет период между защитой кандидатской диссертации в 1954 году и докторской диссертации в 1962 году. В это время появляются первые статьи в академических журналах, а также монографии.

Среди статей в академических журналах, конечно, не могут не привлекать к себе внимания статьи в журнале «Вопросы философии». Указанный журнал не нуждается в особом представлении: основанный в 1947 году — он является и по сей день центральным отечественным журналом философской тематики. В интересующее нас время этот журнал еще являлся важной площадкой для коммуникации, причем не только «профессиональных» философских кадров, руководства, но также и общественности, интересующейся философскими вопросами. Так, в журнале публиковались исследовательские статьи, заметки об академической жизни, рекомендации, вопросы читателей журнала и ответы на них. Данный материал особенно ценен при воссоздании контекста, в котором формировался А. Зиновьев. В связи с этим к задачам настоящей статьи относится не только описание перечисленных статей мыслителя, но также и соотнесение их для полноты картины с текстами, размещавшимися на страницах журнала, начиная с 1953 года.

СТАТЬИ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА В «ВОПРОСАХ ФИЛОСОФИИ»

Какие же статьи в указанный период с 1954 по 1962 год появлялись в «Вопросах философии» за подписью Александра Зиновьева? Какова их тематика и содержание, как они соотносились с выходом монографических работ?

Отвечая на первый вопрос, необходимо отметить, что за без малого десять лет на страницах рассматриваемого журнала появляется не так много работ

Зиновьева, первые из них относятся к 1959 году, т. е. ко времени, когда с момента защиты кандидатской диссертации — прошло 5 лет. Первые тексты относились даже не к статьям, но к разделу имевшихся тогда в журнале заметок о научной жизни: «Научные сообщения и публикации». Интересно, что в 1959 году выходит сразу две заметки. В 3-м и 9-м номерах помещаются следующие заметки Зиновьева: «Проблема значений истинности в многозначной логике», а также «О математической лингвистике». Последняя являлась сообщением о прошедшем в Ленинграде научном совещании, где, тем не менее, Зиновьев высказывает и свои соображения относительно заявленной тематики.

Статья же за подписью Зиновьева появляется только год спустя — в 1960 году, ее тема: «Логическая модель как средство научного исследования». Отметим, что написана она в соавторстве с Исааком Иосифовичем Ревзиным (1923–1974). Ревзин — исследователь, который в это время активно работает с темами структурной лингвистики, его особенно интересуют языковые модели. Собственно, в 1962 году будет написана его монография «Модели языка», а в 1964 году он защитит диссертацию на соискание степени доктора филологических наук по теме: «Модели языка и их использование в структурной типологии славянских языков». Если обратиться к тем монографическим работам, которые были подготовлены Зиновьевым в то же время, мы обнаружим частичное пересечение интересов двух исследователей, очевидно способствовавшее выходу совместной статьи. Так, в этом же, 1960 — году выходит работа «Философские проблемы многозначной логики», а в 1962 году — «Логика высказывания и правила вывода», защищенная в ученом совете Института философии АН СССР в качестве докторской диссертации. [19, с. 730]

Стоит отметить, что после столь плотной публикации заметок и статей последует 3-х летний перерыв. Следующая статья, уже без соавторов — выйдет в 1964 году. Ее тема также будет касаться методологии науки: «О применении модальной логики в методологии науки».

Теперь обратимся к содержанию указанных текстов, нас интересуют статья «Логическая модель как средство научного исследования», а также два сообщения: «Проблема значений истинности в многозначной логике», «О математической лингвистике».

В случае со статьей стоит отметить тематику, которая, по сути своей, является гносеологической. Это важно, поскольку на ранних этапах своего творчества Зиновьев часто определяется как логик. Однако, если он и занимался логическими и математическими проблемами, то в связи с их философским основанием и применимостью, например при осмыслении гносеологических вопросов теории науки. Об этом свидетельствует также и название уже упоминавшейся монографии, вышедшей в 1960 году — «Философские проблемы многозначной логики». Рассматриваемая статья является важным свидетельством: приступая к обсуждению поставленного вопроса, Зиновьев очерчивает проблематическое поле: гносеологическая сущность метода моделирования, которая с одной стороны в общем ясно раскрыта, но оставляющая, тем не менее, ряд частных вопросов. Один из этих вопросов — это знаковые, формальные, называемые затем Зиновьевым — логические, модели, распространяющихся

в самых разных науках: физике, генетике, физиологии и лингвистике. [7, с. 82] При том, что в статье заявляется о разработанности общей темы моделирования как метода научного исследования, перед тем как перейти к частному вопросу, с обращением к различным примерам расставляются акценты: моделирование применимо, когда речь идет о рассмотрении *сложных* систем, модели также являются лишь средством получения знаний, но не самими знаниями. В связи с последним пунктом ставится проблема: принято, что в основе метода моделирования лежит метод аналогии, заключающийся в установлении аналогии между объектом и его моделью, однако, сама аналогия не способна охарактеризовать логический переход. [7, с. 83] После этого Зиновьев отмечает посредничество человеческого сознания в процессе установления аналогизирующего соответствия:

Для установления связей соответствия объектов необходимо, таким образом, отражение их в сознании человека, устанавливающего соответствие. Так что если уж ставить вопрос о соблюдении принципов философской теории отражения, то это следует усматривать в отношении объектов к человеческому сознанию, а не в отношении между объектами, которое, хотя и было установлено с участием человека, однако может быть рассмотрено и само по себе. [7, с. 84]

Таким образом, в конечно итоге речь идет об интерпретации, которая подобна переводу с одного языка на другой: с языка модели на язык оригинала. [7, с. 85]

Во второй части статьи Зиновьев вместе со своим соавтором Ревзиным, выделяя при этом две группы моделей: объекты и знаковые или логические модели, обращаются к различным примерам последних на материале лингвистики. Они показывают, что «интерпретация знаний, полученных при оперировании логической моделью (например, выводов из аксиом), выступает как интерпретация знаков и последовательности знаков самой модели», а следовательно при работе с такими моделями не обязательно обращаться к физической составляющей, можно опираться исключительно на правила логики и первоначальное описание модели. [7, с. 90]

В своей первой работе-заметке на страницах журнала Зиновьев обращается к проблеме значений истинности в многозначной логике. В чем видит автор принципиальную и именно философскую проблему? Предметом его интереса становится не двузначная логика, а именно многозначная логика, в ее трехзначном варианте, высказывания в рамках которой могут приобретать не только значения истинности или ложности, но также и иные, как, например, в случае с трехзначной логикой — и не истина, и не ложь. Следствием развития таких логик стали появляющиеся труды, обосновавшие индетерминизм, а также оспаривавшие универсальность логических высказываний, призывающие учитывать их область применения. Понятие истинности важно для Зиновьева, он пытается рассмотреть его в нескольких аспектах, выделяя таких два: формальный и связанный с интерпретацией логических высказываний.

В случае с формальным аспектом указанные выше проблемы и не могут возникнуть, как об этом написано в тексте:

В первом случае в качестве модели многозначного высказывания (если, конечно, в логической теории фигурирует именно высказывания) в имеющейся литературе берется физический объект и его возможные различные состояния (три и более) <...> В этом случае никаких затруднений философского порядка не возникает, поскольку все дело здесь сводится к выяснению соотношения значений истинности, и, соответственно, состояний объектов, которое оказываются более сложным, чем в случае двухзначных высказываний [9, с. 133].

Перейдем ко второму аспекту и сразу отметим, что, говоря об интерпретации формальных построений, Зиновьев выделяет несколько значений этого понятия. С одной стороны он говорит об интерпретации как о моделировании многозначных высказываний и их связей (логическое понимание), а с другой стороны как разъяснение или определение того, что из себя представляют дополнительные значения истинности высказываний (философское понимание). [9, с. 132]

Последний случай имеет место именно тогда, когда «многозначная логика выступает именно как теория высказываний (суждений), когда в качестве модели многозначных высказываний берутся именно высказывания, оцениваемые по их отношению к объектам, о которых в них говорится, — как истинные, ложные и т. п.». [9, с. 134] Пытаясь позитивно решить указанную проблему определения истинности высказываний, Зиновьев обращается к разным подходам и моделям, замечая при этом, что наибольшая сложность возникает в случае с третьим типом высказываний, которые и не истинные, и не ложные. [9, с. 134] В конечном итоге, делается следующий вывод: «Все рассмотренные варианты объединяет одна общая черта: многозначное по идее высказывание оказывается двухзначным, если его сопоставлять с данной предметной областью, с некоторой ситуацией». [9, с. 136]. При этом Зиновьев склоняется к корреспондентному понятию истины, как соответствия некоторой ситуации:

С точки зрения диалектического материализма истина есть соответствие значений объективной действительности. В исходном пункте, согласно этому пониманию, может быть принято определение (мы приводим лишь ориентацию выработки определения): высказывание истинно, если оно соответствует действительности (объекту), т. е. фактическое положение на самом деле таково, как об этом говорится в высказывании [9, с. 136].

Таким образом, проблема истинности значений в многозначных логиках решается за счет учета контекста высказываний, который позволяет интерпретировать высказывание как двухзначное при использовании корреспондентной теории истины.

Наконец, рассмотрим заметку «О математической лингвистике», в которой Зиновьев, как упоминалось выше, пишет о прошедшем в Ленинграде совещании, посвященном данной предметной области. С одной стороны, в данной заметке очерчивается предметное поле математическое лингвистики, но интересно, что Зиновьев также формулирует вопросы, которые, по его мнению, представляют наибольший интерес с философской точки зрения при решении проблем, связанных с математическими методами описания языка:

статистические методы описания языка и модели языка. Эти же вопросы, с его точки зрения, являются «одними из центральных философских вопросов современного естествознания вообще, физики в особенности». [8, с. 136] И, как мы уже видели, в последствии вопрос о моделях языка приведет к исследованию логических моделей и их применимости в науке.

Какие можно сделать выводы относительно рассмотренных работ? Нескольким общим замечаниям: обратим внимание, на осведомленность Зиновьева в естественно-научной и математической проблематике. Это, конечно, с одной стороны объяснимо, если учитывать логическую специализацию автора, однако, несмотря на это работы демонстрируют вектор на постановку и решение гносеологических проблем, возникающих в предметной области философии науки. Если говорить о частностях, то представляется, что наибольший интерес в контексте будущего творчества Зиновьева привлекают его рассуждения о моделях и их свойствах.

КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСТВА : НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

Выше уже отмечалось, что сам по себе журнал «Вопросы философии» — является уникальным свидетельством эпохи. Являясь для своего времени площадкой для дискуссии, он обнаруживает самые разные позиции и мнения на своих страницах, даже, если речь идет о вполне официальных и программных текстах. В последнее время появляются исследования, цель которых проследить ход этих творческих обсуждений на страницах, напомним, официального журнала советской философии. [см. 17]. Но именно последний статус также очень важен — это был официальный журнал, который отражал требования к советской философии, ее положение в обществе, направления развития.

Преследуя задачу воссоздания философского контекста, в котором проходили ранние годы творчества А. Зиновьева, уместно обратиться к различного рода материалам, появлявшимся в это время в журнале. О каких материалах может идти речь? Во-первых, это, как правило, анонимные рефераты, в которых отражались оценки состояния философского творчества в конкретный момент, описывались прерогативные области исследования. Во-вторых, заметки, помечавшиеся в конце выпусков «Вопросов философии». В этих заметках можно найти описание жизни на разных философских факультетах, дискуссии относительно вопросов философского образования: его состояния и потребностей в изменении. В третьих, очень показательные материалы информационного свойства. Например, в «Вопросах философии» в интересующую нас эпоху публиковались перечни издаваемой философской литературы, а также защищаемых кандидатских и докторских диссертаций. Обзор тематики, которой были посвящены диссертации и книги — очень многое могут сказать о самой эпохе. Наконец, статьи, которые публиковали на страницах журнала, конечно, показательны, в особенности их тематика и аргументация.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении последних — это, конечно, широта тематического поля, а также явная идеологическая ангажированность некоторых материалов. К примеру, в 50-е годы можно встретить тексты со следующими заголовками: «Живой белок в свете современных исследований биохимии» (А. С. Конилова, М. Г. Крицман) [12], «Агентура американского империализма» (акад. А. М. Деборин) [4], «Бертран Рассел — оруженосец империализма» (Э. Кольман). [11] В рассмотрении авторов журнала попадают вопросы экономического, политического, социологического, физического, собственно, философского характера.

Показательны в этом отношении и те диссертации по философии, которые защищались в указанное время. Возьмем для анализа информацию о диссертациях первой половины 50-х годов (с 1951 по 1954 годы), это то самое время, когда Зиновьев только писал еще свою кандидатскую диссертацию, которая успешно прошла процедуру защиты в 1954 году. Особенный интерес здесь представляют докторские диссертации, поскольку они, по своей сути, представляют передний край развития той или иной дисциплины. Учитывая их немногочисленный характер приведем их перечень:

1951–1952 гг. [5, с. 230]

Ликвидация противоположности между городом и деревней и пути преодоления существенного различия между ними. Гапочка П. Н. (Институт философии АН СССР)

Развитие марксистской теории на опыте революций 1948 года. Ойзерман Т. И. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Роль практики в развитии научных понятий и их значение в познании мира и в практической деятельности людей. Курсанов Г. А. (Институт философии АН СССР)

Общественно-политические, философские и эстетические взгляды Н. А. Добролюбова. Наумова М. А. (Академия общественных наук при ЦК КПСС)

Передовая общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии второй половины XIX века. Лущицкий И. Н. (Институт философии АН СССР)

Учение о характере и его формировании в условиях социалистического общества. Филатов В. С. (Институт философии АН СССР)

Мировоззрение Т. Г. Шевченко. Новиков М. И. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Философия Гельвеция, ее значение в идейной подготовке французской буржуазной революции 1789–1794 и утопического социализма и коммунизма XIX века. Момджян Х. Н. (Институт философии АН СССР)

Мировоззрение Лукреция. Светлов В. И. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

1953–1954 гг. [6, с. 197]

Некоторые проблемы исторического материализма. Константинов Ф. В. (Институт философии АН СССР)

Социалистическое содержание и национальная форма советской культуры народов СССР. Мординов А. Е. (Институт философии АН СССР)

Проблема свободы и необходимости в свете марксизма. Гароди Р. (Институт философии АН СССР)

Логические законы мышления. Савинов А. В. (Институт философии АН СССР)

Воля и ее воспитание. Селиванов В. И. (Институт философии АН СССР)

Учение И. П. Павлова об условных рефлексах и марксистско-ленинская теория понимания. Пипуныров П. Н. (Ленинградский государственный университет)

Борьба В. И. Ленина против махизма в России и ее значение для критики современной буржуазной философии. Алексанян Т. А. (Институт философии АН СССР)

Общественно-политические и философские воззрения русский просветителей второй половины XVIII века. Щипанов И. Я. (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Борьба Мечникова за материализм в естествознании. Острянин Д. Ф. (Институт философии АН СССР)

Мировоззрение К. А. Тимирязева. Колодяжный В. И. (Институт философии АН СССР)

Мировоззрение К. А. Тимирязева. Платонов Г. В. (Институт философии АН СССР)

Отметим, что в перечень диссертаций 1953–1954 года также попали работы, упомянутые в списке 1951–1952 годов: Филатова В. С. и Наумовой М. А.. Как видно из списка существовало несколько центров, в которых осуществлялась работа над докторскими диссертациями: Институт философии АН СССР, Московский государственный университет им. М. И. Ломоносова, Ленинградский государственный университет. А тематика работ довольно разнообразна. Тем не менее, согласно списку за эти годы было защищено всего 20 диссертаций, из которых 13 можно соотнести с проблематикой исторического материализма. Также нет диссертаций, которые бы напрямую соотносились с вопросами эстетики и религиоведения (в варианте того времени — научного атеизма), что позже будет выделено в качестве проблемы.

Если рассматривать кандидатские диссертации, то их тематика в большей степени разнообразна: мы находим такие темы, как «Роль науки в развитии общества (Перловский А. А.), «Язык и нация» (Ханазаров К. Х.), «О конкретности истины» (Сухов Г. С.), «О корнях пережитков капитализма в сознании людей» (Ушаков Н. Н.).

Защиты кандидатских диссертаций осуществлялись в различных институтах. Так в списках за 1951–1954 годы можно встретить: Институт философии АН СССР, Академию общественных наук при ЦК КПСС, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, Московский государственный педагогический университет, Ленинградский педагогический университет имени А. И. Герцена, Уральский государственный университет имени А. М. Горького, Казанский государственный университет, Киевский государственный университет, Белорусский государственный университет, Казахский государственный

университет имени С. М. Кирова, Тбилисский государственный университет, Ереванский государственный университет, Военно-политическую академию, Государственный институт театрального искусства.

На страницах журнала периодически появляются оценивающие заметки о подготовке философских кадров и преподавании философии. Рассмотрим несколько таких материалов.

Начнем с развернутого и анонимного текста, вышедшего в 1953 году и посвященного проблеме преподавания марксистской философии в советских Высших учебных заведениях. [14] Заметим интересную особенность текста — это регулярная отсылка к авторитету Ленина-Сталина, а также коммунистической партии, выступающей «заказчиком» в образовании. В качестве иллюстрации тезиса обратимся к последней фразе:

Смелая, беспощадная, невзирая на лица, критика недостатков и ошибок, может нашим преподавателям решительно улучшить преподавание философии, а следовательно поднять на более высокий уровень все дело идеологического воспитания кадров советской интеллигенции, как того требует Центральный Комитет партии [14, с. 90].

Далее, согласно тексту можно говорить именно о проблеме: для преподавания философии в увеличивающемся количестве вузов не хватает преподавателей [14, с. 88], а качество их подготовки даже в формальном отношении оставляет желать лучшего: около половины преподавателей кафедр общественных наук, к которым и относилась философия — не имеют ученых степеней и званий. [14, с. 89] Данную статью во многом можно назвать острой и откровенной. В тексте приводится прямая критика как управленческой политики, так и рутинной преподавательской деятельности конкретных людей и целых институций. К имеющимся недостаткам, которые характеризуют, согласно анонимному автору, образовательный процесс в области марксистской философии относятся несколько моментов. Во-первых, это начетничество и оторванность от практики [14, с. 84]. Приведем характерное высказывание:

Лекторы чаще всего ограничиваются пересказом известных текстов. Вместо того, чтобы раскрыть и показать на ярких, взятых из самой жизни примеров, великое значение философии марксизма, многие лекторы читают лекции по старым конспектам, написанным серым, суконным языком, не заботясь о логической четкости изложения. Многие преподаватели не учитывают возросших требований студентов, часто игнорируют потребности живой мысли нашей молодежи, самой передовой и любознательной молодежи в мире, с жадностью воспринимающей великие идеи Ленина-Сталина по их трудам, по первоисточникам [14, с. 85].

Среди причин такого положения дел автор работы видит подработки преподавателей, которые работают в нескольких местах, что мешает им в подготовке к занятиям. В пример приводятся даже заведующие кафедрами, руководящие двумя кафедрами в разных учебных заведениях одновременно. [14, с. 87] Так, например, на кафедре философии Государственного института театрального искусства количество совместителей составляло 70%. В следствие этого звучит призыв: «с совместительством нужно покончить». [14, с. 89]

Во-вторых, к недостаткам в преподавании философии приводит отсутствие научной критики и дискуссий. [14, с. 88] К этому добавляется отсутствие учебников, хорошо проработанных программ, но, что важно, и деятельность «халтурщиков-бракоделов» в преподавании.

Перейдем к следующему тексту — анонимному сообщению, которое предвзвешивает в 1955 году перечень защищенных докторских и кандидатских диссертаций и критикует процесс защиты диссертаций, прямо утверждая, что «состояние, в каком находится подготовка научных кадров по философии, еще не может быть признано удовлетворительным». [13, с. 193] Такой вывод делается на основе утверждений о снижении требований к работам, которые носят часто компилятивный характер. К недостаткам существующего положения дел автор относит также то, что большинство работ посвящено исторической тематике, но уровень и та тематика, к которой были обращены исследователи вызывают неудовлетворенность. Среди тем в этой области, которые еще только требуют разработки: методологические проблемы истории философии, история философии Китая и Индии, античная философия, а также история материализма XVII–XVIII веков. [13, с. 195]

Интерес представляет описание причин, приведших по мнению автора статьи к такой ситуации: недостаточный уровень подготовки философских кадров, не получающих конкретных знаний в какой-либо специальной области науки:

Невозможно разрабатывать проблемы исторического материализма, без знания политэкономии и истории, проблемы диалектического материализма — без знания естественных наук, проблемы истории философии — без знания истории и истории науки и культуры, проблемы эстетики — в отрыве от изучения истории искусств [13, с. 195].

Свидетельство, характеризующее изменение ситуации, появляется в 1960 году. Это анонимная статья, само название которой очень показательное: «Подготовку философских кадров — на уровень современных задач!».

В этом тексте, с одной стороны дается оценка проделанной работы с 1955 года и нужно сказать, что в целом она выглядит положительной: повысился уровень научно-исследовательской работы [15, с. 21], заметно повысился теоретический уровень кандидатских и докторских диссертаций [15, с. 26]. Но при этом, последующие конкретные замечания показывают, что сохраняется наличие существенных проблем.

Какой видится задача философии? По тексту за ней, обратим внимание — общественной наукой, закрепляются две глобальные задачи. Первая из них — охватить процессы развития наук, уловить логику их развития и правильно ориентировать их развитие, определить принципиальные основы взаимодействия множества отраслей знания и предостеречь от ошибок. Таким образом, философия (марксистско-ленинская) выступает как идейная основа теоретического мышления естествоиспытателей. [15, с. 19] Но вторая задача — это в образовании, как и любой общественной науки: «настоятельно добиваться того, чтобы каждый студент овладевал марксистско-ленинской теорией как творческим, неразрывно связанным с жизнью учением, умел руко-

водствоваться важнейшими положениями этой теории в своей практической деятельности». [15, с. 21]

Тем не менее, ряд обстоятельств, с точки зрения автора статьи — мешали решению этих задач. Помимо административных проблем — количества факультетов и кафедр, ведущих соответствующую подготовку, вопросов с распределением, выделяется сложность с формированием учебных планов. До последнего момента они являлись многопредметными: перегруженными предметами абсолютно разной направленности, что приводило к поверхностной подготовке студентов-философов. Стоит сказать, что в тексте положительную оценку получают новые учебные планы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Ленинградского государственного университета. Так, новый план Московского университета предполагает изучение чисто философских дисциплин в течение 50% учебного времени, остальная часть отдается естественнонаучным циклам: физико-математическому и биологическому. При этом в физико-математический цикл вошли такие предметы, как: высшая математика, общая физика, атомная физика, ядерная физика, квантовая механика, а в биологический: физика, химия, основы современной биологии, анатомия, физиология человека, физиология высшей нервной деятельности, биофизика, дарвинизм. [15, с. 22]

Добавим к проблемам предшествующих учебных планов неудовлетворительную постановку практической подготовки. В качестве варианта решения проблемы демонстрируется опыт Московского университета, организовавшего практику в виде чтения пропагандистских лекций на предприятиях Москвы. [15, с. 25]

Как отдельная проблема выделен вопрос с квалификацией преподавательских кадров, качеством их научно-исследовательской работы. Так, в институтах, подчиняющихся министерствам высшего и среднего образования союзных республик, 44% преподавателей философии не имеют ученых степеней и научных званий. [15, с. 28] Но защищаемые диссертации также получают негативную оценку:

Надо решительно повысить требования к диссертационным работам по философии. До сих пор в большинстве кандидатских диссертаций нет серьезной разработки новых проблем. Часто берутся уже «отработанные» темы диалектического и исторического материализма, в которые стремятся втиснуть новые факты лишь для иллюстрации тех или иных законов, категорий и понятий. Выбор тем из-за отсутствия должной координации носит зачастую произвольный характер и приводит к недопустимому параллелизму [15, с. 27].

Обратим внимание на замечание относительно «недопустимого параллелизма». Примером чего-то подобного можно назвать наблюдаемый выше случай с докторскими диссертациями, когда в 1953–1954 годах в Институте философии АН СССР было защищено две диссертации на одну тему «Мировоззрение К. А. Тимирязева».

Критику вызывает и тематика защищаемых диссертаций, среди важных и перспективных для философии, но не разработанных тем видятся: «Политическая организация общества в период развернутого строительства комму-

низма», «Сочетание материальных и духовных стимулов общественного производства в период перехода от социализма к коммунизму», «Закономерности развития мировой системы социализма», философское обобщение прогресса науки и техники. [15, с. 25]

Представленные выше три критических текста демонстрируют схожую риторику в описании философии, ее задач и ее проблем, некоторые из которых являлись хроническими: уровень научно-исследовательской работы, качество преподавательской работы, преподавательских кадров. Через призму рассмотренных текстов можно охарактеризовать философию, как общественную дисциплину — идеологическую основу в образовании и науке, как следствие, основными функциями которой являются методологическая и идеологическая. Обсуждая последнюю функцию стоит отметить, что в данном случае философы выступают как ретрансляторы того дискурса, который формируется «казачком» — партией и правительством. Так, например, в первом рассматриваемом выше сообщении можно встретить такие фразы:

Произведение товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — это боевая программа перестройки всей нашей работы, всей нашей деятельности, в том числе и преподавательской работы. <...> В связи с выходом гениальных трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР», по-новому осветившие многие коренные проблемы философии, выявилась необходимость пересмотра старых программ и старых методов преподавания общественных наук, в том числе и марксистской философии [14, с. 62].

Мы видим, что труды Сталина напрямую меняли саму программу философских исследований, обозначали их направление, но и последняя рассматриваемая статья, появившаяся уже много после смерти Сталина — заканчивается двумя характерными фразами: «Большие и развернутые задачи выдвигает развернутое строительство коммунизма перед философскими кадрами нашей страны. <...> Отдать все силы и умение для выполнения поставленных партией задач — высокий долг философских кадров нашей страны». [15, с. 30]

И «постановка задач» — здесь не столько фигура речи, сколько отсылка к программе действий, которая формулировалась для общества в целом партией и правительством в рамках партийных съездов и пленумов партий. Приуроченные к этим мероприятиям, на страницах «Вопросов философии» появлялись соответствующие материалы, даже названия которых иллюстративны: «Задачи советских философов в свете решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС» [10], «XX съезд и вопросы идеологической работы» [20], «Практика развернутого строительства коммунизма — основа философских исследований» [16].

Для характеристики контекста философского творчества в рассматриваемые годы обратимся к названным текстам. Два из них описывают результаты работы съездов, а один — пленума ЦК КПСС. Пленумы — собрания, проводившиеся в перерывах между съездами. Все эти тексты имеют схожую структуру, в начале осуществляется пересказ основных дискуссий и решений пленумов или съездов, далее — объяснение их значения для исследовательской деятельности в области философии.

Первый упомянутый текст «Задачи советских философов в свете решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС» представляет собой пересказ доклада заместителя директора Института философии АН СССР А. Ф. Окулова, озвученного в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор доклада констатирует, что центральный вопрос данного пленума, касающийся развития сельского хозяйства, является важным и своевременным, но при этом «эта важнейшая тема марксистской философии за последнее время мало привлекала внимание философов». [10, с. 211] Это является признаком оторванности философов от жизни и этот недостаток требует исправления. В качестве решения — предлагается расширить и пересмотреть тематику диссертаций и научно-исследовательских работ: «Партия ждет от советских философов боевых работ по теоретическим проблемам, вытекающим из сентябрьского Пленума ЦК». [10, с. 213] В качестве дополнения к напечатанному докладу приводятся реплики участников собрания в Академии общественных наук. Так, доцент И. С. Шариков отметил, что те амбициозные задачи, которые поставлены Пленумом — это призыв советским философам «показать источники могущества советского строя и мобилизовать народ на наиболее полное использование этих источников». [10, с. 214] К теоретическим вопросам, которые приобретают значение относится тема производственных отношений как главного двигателя производственных сил.

В своих репликах аспиранты подвергли критике некоторых из присутствующих профессоров за отрыв в исследованиях от практики, недостаточно глубоком освещении тем, как например — о переходе от социализма к коммунизму, а также недостаточном внимании к вопросу о союзе рабочего класса и крестьянства. [10, с. 214]

В заключение профессор Ц. А. Степанян отметил, что партийные решения в сочетании с классиками марксизма-ленинизма требуют глубокого изучения, «опираясь на них, советские философы должны творчески разрабатывать новые теоретические проблемы и тем самым всемерно способствовать коммунистическому строительству в нашей стране». [10, с. 217] Примечательно, что автор заметки В. М. Каирян добавил комментарий: все обсуждение было недостаточно конкретным, «многие выступающие ограничились общими пожеланиями и не дали положительного творческого освещения затронутых вопросов, что явилось серьезным недостатком большинства выступлений». [10, с. 217]

Теперь обратимся к материалам, освещающим работу съездов, а именно — XX и XXI. Нужно сказать, что сами по себе эти собрания имеют большое политическое значение, так, известно, что на XX съезде (1956 год) произошло осуждение культа личности Сталина, а на XXI съезде (1959 год) провозглашена победа социализма и намечено движение к коммунизму.

Эти вехи отражены на страницах журнала «Вопросы философии». Однако в тексте, посвященном XX съезду, прежде всего акцент ставится на вопросах мирного сосуществования систем: капиталистической и социалистической, предотвращении открытых конфликтов, а также вопросов о формах перехода различных стран к социализму. И, тем, не менее, вопрос о культе личности не только поднимается в рамках общего замечания о его

вредности и умалении роли народных масс и партии вследствие его доминирования [20, см. с. 8], но также эта тема позволяет наметить пути дальнейшего развития философии, которая должна в противовес предшествующему периоду отказаться от начетничества, сопутствовавшего культу личности, поскольку последний, по сути, приводит к практике «схоластических построений». Философия же должна ориентироваться на саму жизнь и ее практику: «Нелепо полагать, что философы могут свои выводы делать путем простого выведения одних умозаключений из других, абстрактного анализа непререкаемых истин». [20, с. 18] Но практикой для философии, как отрасли знания провозглашается, прежде всего, естествознание и различного рода аспекты политической экономии социализма (в связи с упоминавшимися вопросами перехода к коммунизму):

Формы связи философии с практикой разнообразны, и среди них должна занимать почетное место и форма непосредственного контакта, непосредственного личного изучения философом фактов на заводе и колхозе, учреждении и школе и т. д. Особенно это относится к философам исторического материализма, которые недостаточно изучают практику социалистического и коммунистического строительства. <...> В значительно степени это относится и к философам, работающим в области диалектического материализма, которые, в частности, обязаны изучать и разрабатывать вопросы своей науки, категории и законы диалектики, на основе изучения политической экономии социализма, оказывая помощь экономистам в применении диалектического метода к исследованию экономики социалистического общества [20, с. 19].

Помимо, собственно, формулировки приоритетных направлений и форм исследования, сопряженных с практической составляющей, в тексте, что важно, упоминается о воспитательной функции философии, отмечается, что перед ее представителями стоит задача усиления пропаганды и популяризации марксистско-ленинского мировоззрения. [с. 20]

Заканчивается же данное сообщение довольно оптимистично — с акцентом на том, что XX съезд открыл возможности для идеологических работников (среди них философы) широкие возможности преодолеть свое отставание, создав условия для творческого мышления, каких никогда раньше не было. [20, с. 20]

Рассмотрим также материал, посвященный XXI съезду партии: «Практика развернутого строительства коммунизма — основа философских исследований». В этом материале по аналогии с предыдущим сначала описываются основные дискуссии съезда, но далее уточняются задачи, которые были поставлены перед философами.

Первой такой задачей является воспитание человека, чему способствует распространение знаний о марксистско-ленинской философии среди широких слоев населения. [16, с. 7] Здесь также повторяется тезис, что философские исследования должны быть связаны с естествознанием:

Теоретические выводы всех наук должны быть философски осмыслены и отражены в проблематике философии. При этом не только философия обогащается достижениями конкретных наук, но и науки поднимаются на новую ступень благодаря органической связи с марксистско-ленинской философией [16, с. 9].

Здесь, в этом тексте, намечается поворот к разработке не только общих проблем методологии науки, но также и описанию философских вопросов конкретных дисциплин, причем в сотворчестве с представителями этих дисциплин. Помимо этого, в конце статьи возникает требование «критики буржуазной философии и социологии».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С одной стороны можно отметить повторяющиеся тезисы программных текстов о философии: ее задача быть в большей степени связанной с практикой и движением в таком направлении является активизация просветительской деятельности, непосредственная работа преподавателей среди «широких масс», либо же в области исследовательской деятельности — учет достижений естественных наук их осмыслением.

В этом смысле проблематика, касающаяся гносеологических вопросов философии науки, которая проявляется в трудах Зиновьева на страницах журнала «Вопросы философии» — вполне вписывается в общий контекст. Отметим, тем не менее, одну особенность — это неоднозначная интерпретация тезиса о проверке практикой, которая может возникать в связи с видением Александром Зиновьевым логических моделей, которые, являясь инструментом научного исследования, не требуют обращения к физическим аспектам, и для которых достаточны лишь элементы теоретического построения моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонасов Н. Логическая социология как реальность: к вопросу о судьбе философии Александра Зиновьева // Логос. 2022. № 6, С. 23–52 с.
2. Барашев П. П. Сверкнул как метеор (Как Зиновьев преподавал философию в МФТИ) // Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: 2009. С. 115–133
3. Гусейнов А. А. Александр Зиновьев. Энциклопедическая справка // Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: 2009. С. 7–19
4. Деборин А. М. Агентура американского империализма» // Вопросы философии. 1953. № 1. С. 151–168
5. Диссертации по философии, защищенные в 1951–1952 годах // Вопросы философии. 1953. № 1. С. 230–238
6. Диссертации по философии, защищенные в 1953–1954 годах // Вопросы философии. 1955. № 3. С. 197–211
7. Зиновьев А.А. И. И. Ревзин Логическая модель как средство научного исследования // Вопросы философии. 1960. № 1. С. 82–88
8. Зиновьев А.А. О математической лингвистике // Вопросы философии. 1959. № 9. С. 132–140
9. Зиновьев А. А. Проблема значения истинности в многозначной логике // Вопросы философии. 1959. № 3. С. 131–136

10. Каирян В. М. Задачи советских философов в свете решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС // Вопросы философии. 1953. № 6. С. 209–217
11. Кольман Э. Бертран Рассел — оруженосец империализма // Вопросы философии. 1953. № 2. С. 168–183
12. Конилова А.С., Крицман М. Г. Живой белок в свете современных исследований биохимии // Вопросы философии. 1953. № 1. С. 143–151
13. О диссертациях по философии // Вопросы философии. 1955. № 3. С. 193–197
14. О преподавании марксистской философии в вузах // Вопросы философии. 1953. № 1. С. 82–90
15. Подготовку философских кадров — на уровень современных задач! // Вопросы философии. 1960. № 10. С. 18–28
16. Практика развернутого строительства коммунизма — основа философских исследований // Вопросы философии. 1959. № 3. С. 3–12
17. Соколов Е. Философия передовиц. Мераб Мамардашвили как советский философ // Логос. 2017. № 6. С. 1–22
18. Феномен Зиновьева. / А. А. Гусейнов, О. М. Зиновьева, К. М. Кантор. М.: 2002. 400 с.
19. Фокин П. Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М.: 2016. 749 с.
20. XX съезд и вопросы идеологической работы // Вопросы философии. 1956. № 2. С. 3–18